

Переводчик: Студия Nyoi-Bo Редактор: Студия Nyoi-Bo

"Твен!" Гневный голос раздался возле его уха, выбив его из колеи.

Он поднял голову и ошарашенными глазами посмотрел на стоящую перед ним фигуру. Перед ним стоял лысый мужчина в очках в черной оправе, который выглядел намного старше своих лет. Этот человек показался ему знакомым...

Постойте, это же тот руководитель отдела из компании Твена? Верно?

Твен посмотрел налево и направо, перед ним появилось небольшое пространство, образованное скоплением офисных столов. Все подняли головы, чтобы посмотреть, но, увидев Твена, опустили головы и продолжили заниматься своими делами.

Разве не здесь он работал в прошлый раз? Твен не был чужаком в этом месте. После окончания университета он перебрал сотни вакансий, пока наконец не устроился на должность администратора.

"Ты опять не спал, чтобы посмотреть футбол? Что это за место, как ты думаешь, Твен? Это компания, а не кровать в твоём доме!". Начальник отдела понял, что Твен даже не смотрит на него, что привело его в ярость. Он наклонился и злобно уставился на Твена. На этот раз Твен повернул голову в его сторону, но он по-прежнему не смотрел на него.

Он все еще находился в оцепенении. Почему он появился здесь? Разве он не должен быть на тренерской скамье на городском стадионе и руководить соревнованиями? Данн? Керслейк? А его футболисты, где они были? Неужели "Ньюкасл" сравнял счет? В этот момент ход его мыслей резко прервался. В его сердце все еще была скрытая боль.

Значит, все это был всего лишь сон... Уголки его губ приподнялись. Это был сон... Должен ли он сказать "это замечательно" или пожалеть?

Джордж Вуд, София, Майкл, Гэвин, Данн, Дес Уокер, Кенни Бернс и Шанайа. Все они были персонажами, которых я себе представлял, персонажами, которые появлялись только в моих снах. Как стало возможным, что мелкий рабочий, зарабатывающий на жизнь в Китае, стал супертренером, который привел команду к продвижению и выиграл два чемпионата подряд?

Как могла симпатичная и кипучая супермодель мирового класса, суперзвезда, влюбиться в меня, никчемного домоседа? Что это было, если не дневной сон?

Ничего не произошло, и он ничего не потерял, но от этого боль была еще более ощутимой. По какой-то непонятной причине в его груди образовалась пустота.

"Я дал тебе шанс, малыш. Но сможешь ли ты стать лучшей звездой футбола в Англии, зависит только от тебя самого. "

"Эй, Тони! Если в следующем сезоне нас не будет в Премьер-лиге, я не против показать тебе, как выглядит жесткий футбольный фанат!"

"Подожди, когда у меня в будущем появятся деньги, я обязательно куплю "Ноттингем Форест"! А потом попрошу тебя стать его главным тренером!"

"Здесь лежит любимый сын Майкла Бернарда и Фионы Бернард, самый преданный болельщик "Ноттингем Форест" и пожизненный сторонник Джорджа Вуда Гэвин Бернард".

"Победа! Я хочу только победы! Я хочу только чемпионства! Кроме этого, я не приемлю никаких других исходов! Пусть они боятся! Пусть проклинают нас! Чем хуже они будут проклинать, тем больше это докажет, что мы - сила!".

"От лиги второго уровня до чемпионов Европы Тони Твен и его команда прошли за четыре года. Мы словно увидели тень Брайана Клафа... та славная команда вновь появилась в нашем видении. Это не случайность, это красный шторм! Ноттингем Форест, команда, которая становилась чемпионом Европы два года подряд, и спускается в Европу в третий раз!".

"Очень жаль, Тони. Клуб не в состоянии взять деньги, чтобы удовлетворить твои потребности... экономический кризис, у нас нет денег. "

"Я не могу больше ждать... Я люблю тебя, дядя Тони, я люблю тебя".

...

Шучу!

Все эти события, которые происходили со мной, которые заставляли меня смеяться, плакать, радоваться и грустить, как все это могло быть сном? Какой сон мог бы иметь такие реалистичные чувства? Если бы сны действительно были настолько реалистичными, то их нельзя было бы назвать снами. То была реальность, а это был сон.

Твен резко вскинул голову и уставился на начальника отдела, который все еще ругал его.

"Что это за место, по-твоему?"

Мы легко можем найти такого же парня, как ты, только что окончившего университет! Не думай, что то, что ты здесь, делает тебя замечательным. Вот что я вам скажу: если я вас сейчас уволю, найдется столько людей, которые убьют за то, чтобы занять ваше место! Ты думаешь, что тысяча долларов - это слишком мало, но даже если бы это было всего 700 долларов, все равно нашлось бы много людей, которые изо всех сил старались бы урвать твою работу! Почему вы смотрите на меня? Не убедил? Если ты не убежден, тогда уходи! Я терплю тебя уже долгое время. Твоя производительность средняя, а характер ужасный. Молодежь в наше время действительно становится хуже..."

Твен взглянул на это лицо, искаженное яростью и страхом, и разразился смехом. Вот кем он был в своих снах. Здесь он был, подлизываясь к своему менеджеру в течение года. Поскольку он не мог вписаться в круг своих сверстников, его не брали на хорошие дела, и он подвергался дискриминации даже на работе, в то время как те, кто ладил с этим старым хрычом, получали более высокий доход. После года тяжелой работы он все еще не мог накопить много денег, но другие, которые подмазывались к боссу, уже через год могли позволить себе машину. Они держали все свои жалобы при себе, опасаясь, что, если они потеряют эту работу, им будет трудно найти другую. Казалось, что на его плечи легла вся тяжесть мира, и он вынужден был идти вперед, сгорбив спину.

Теперь он, наконец, понял, что это место ему не подходит. Он совершенно не походил на коллег, которые в страхе пригнули головы. Ему было не место здесь, его место было на поле боя настоящих мужчин, на поле боя, наполненном страстью и горячей кровью! Один был один, двое - двое; победа была победой, поражение - поражением. Легитимность принадлежала победителю.

Какой смысл было вить гнездо здесь, в этом тесном пространстве? Какими бы большими ни

были его стремления, каким бы смелым ни был его дух, какие бы мечты у него ни были, все это было заперто в этом маленьком пространстве без возможности выбраться.

Они попадали в ловушку, а затем ассимилировались в бесконечном пространстве, подобном этому, только для того, чтобы медленно исчезать и исчезать, как будто они никогда не были частью его жизни.

Проработав без устали полжизни, его заработок не мог купить даже унитаз в новом доме. Богатые меняли своих подруг ежедневно; им достаточно было только показать товар в кошельке, чтобы к ним повалили роскошные и сексуальные женщины. Твен же мог только дрожить на японское порно, фантазируя о том, что Бог благословил его девушкой. Он изо всех сил старался умаслить своего босса, говоря ему только пустые слова, жертвуя своим достоинством и ценностями, лишь бы удержаться на этой работе в столь беспокойное экономическое время.

Старшее поколение обижалось на поколение Твена за то, что оно всегда не оправдывало ожиданий, неоднократно подчеркивая искренним тоном, что их поколение было неудачным. Молодое поколение говорило на своем интернет-сленге, ниспровергая мейнстрим: "Вас уничтожили, этот мир наш". Лучшим способом выплеснуть эмоции было пить пиво и есть жареное мясо из придорожных магазинов, проклиная состояние китайского футбола.

Самое худшее в том, что его жизнь свелась к этому, было то, что ему пришлось жить этим, но что еще он мог сделать? В тридцать лет - неустойчивый, в сорок - потерянный. Оглядываясь на свою жизнь сейчас, он спрашивал себя: "Что я делал? Что я оставил позади? Что он будет делать в следующей половине своей жизни?"

Короткий потолок, из-за которого было трудно дышать. Перегородки, ограничивающие мысли пространством 1×1 метр, где превышение было чрезмерным. Белые лампы, отбрасывающие призрачный отблеск на лица.

Твену захотелось громко рассмеяться. Это было место, в котором он когда-то работал. Это было место, в котором он почти сдался. Это был сон, причем самый нелепый!

Он оттолкнул начальника отдела, который загораживал ему дорогу, и вышел прямо на улицу. Начальник отдела, который чуть не упал, яростно зарычал: "Куда ты идешь! Ты все еще на часах! Твен!"

Дурак, если ты сделаешь хоть шаг из этого кабинета, ты уволен. Уволен, слышишь меня? Уволен! Ты будешь уволен!!!"

В вестибюле офиса стояла полная тишина, за исключением тяжелого дыхания старика. Наверное, он никогда раньше не ругал кого-то так взволнованно, до агрессии. Он пытался, как старик, только что поссорившийся со своей женой, которая почему-то становилась тем выносливее, чем больше старела.

С того места, где Твен стоял у входа, он повернулся, чтобы посмотреть на жалкого начальника отдела и насмешливо сказал: "Не твое дело, куда я иду, старый хрыч".

Сказав это, он сделал шаг и вышел, не оборачиваясь.

□□□

"... Я не знаю, считается ли это хорошей новостью для соперников "Ноттингем Форест". Хотя я

не думаю, что эта новость кого-то обрадует... Тони Твен, организовывая матч между "Ноттингем Форест" и "Ньюкаслем" сегодня днем, внезапно потерял сознание и был отправлен в больницу. В настоящее время он все еще находится без сознания...".

Диктор с суровым лицом сообщил экстренную новость. Затем на экране появился вход в больницу Королевского медицинского колледжа при Ноттингемском университете. Репортеры стекались к больнице; арендованные машины бесконечно подъезжали, чтобы припарковаться неподалеку, и один за другим репортеры выходили из машин.

Беловолосый мужчина в очках из золотого шелка оказался в центре толпы, как каноэ посреди моря с ревущими волнами. Он размахивал руками, крича: "Мы делаем все возможное, чтобы спасти его, но его состояние все еще критическое. Я не могу ничего гарантировать! Не могли бы вы все освободить дорогу и перестать блокировать главный вход? Извините, я не могу ничего сказать, потому что не до конца понимаю ситуацию. Мы созовем пресс-конференцию специально для этого, но это будет не здесь и не сейчас".

Группа людей, сидевших в автобусе, подняла головы, чтобы посмотреть на телевизор в автобусе, объявляющий обо всем этом, и потеряла дар речи.

Это были игроки "Ноттингем Форест", которые только что закончили свой матч и готовились вернуться домой. Соревнования еще не закончились, когда Твен внезапно упал в обморок. Поначалу никто не отреагировал. Игроки "Ньюкасла" все еще праздновали свой гол. Игроки "Ноттингем Форест" были ошеломлены и не знали, что делать; болельщики могли только использовать свое молчание, чтобы выразить недовольство.

Комментатор все еще подтрунивал над Тони Твеном и хотел увидеть его выражение лица в данной ситуации. Как только экран изменился, человека, который должен был стоять, не было видно на месте тренера. Вместо него на экране появился помощник тренера Данн, который выскочил из тренерского кресла. После действий Данна все увидели главного героя, который лежал на земле и не двигался.

Данн закричал, чтобы привлечь внимание окружающих, и все запаниковали. Даже игроки "Ньюкасла", которые вначале праздновали свой гол, беспомощно смотрели в сторону сидений тренера "Ноттингем Форест". Джордж Вуд побежал к краю поля; за ним последовал главный судья, который понял, что что-то не так.

Болельщики "Ньюкасла" перестали петь. Городской стадион в этот момент погрузился в тишину.

Носилки, предназначенные для спасения травмированных игроков, были принесены. Машина скорой помощи, остановившаяся прямо у стадиона, также заехала внутрь. Даже после того, как Твена перенесли в машину скорой помощи и отправили в больницу, большинство людей на стадионе все еще находились в шоке.

Матч закончился, в результате чего "Ноттингем Форест" потерпел четвертое поражение в сезоне лиги. Их рейтинг продолжал падать, но разве в данный момент кого-то это волновало?

Данн запрыгнул в машину скорой помощи и уехал вместе с Твеном. Керслэйк самостоятельно занялся всеми послематчевыми делами, а пресс-конференция в последний момент тоже была отменена. Обеспокоенный Алан Ширер спросил Керслэйка, что случилось с Тони Твеном.

После матча атмосфера в раздевалке была безжизненной.

Игроки "Ноттингем Форест" были опустошены не потому, что не выиграли, а потому, что переживали, что с Тони Твеном случилось что-то ужасное.

Гарет Бэйл, сидевший в последнем ряду, обхватил голову руками и начал тихо плакать. Хотя прошло уже более получаса, но одна мысль о том, что Твен внезапно упал на землю и схватился, пугала Бэйла. Как будто его лидер был мертв.

Его плач нарушил тишину в хижине. Керслейк встал и хлопнул в ладоши. "Давайте вернемся... Не думайте об этом много; это не та проблема, о которой вы должны беспокоиться, ребята. Давайте... продолжим тренировки завтра". Его тон показал его беспомощность и страх.

Пожалуйста, не допустите, чтобы с Тони что-то случилось!

□□□

Когда Твен очнулся от темноты и хаоса, то, что он увидел, неудивительно, был беленый потолок. Он услышал какое-то жужжание. Повернувшись к источнику звука, он был потрясен, увидев знакомый вид сзади.

Повернувшись спиной, она опустила голову, чтобы подуть на пышущую паром чашку в попытке остудить ее. Затем она взяла ложку и окунула ее в воду, а затем поднесла ко рту, чтобы проверить температуру, но ошпарилась и чуть не бросила ложку из нержавеющей стали.

"Ха", - усмехнулся Твен. Его слабый смех потряс ее, и на этот раз она была так удивлена, что чуть не выронила чашку из рук.

"Дядя Тони, ты проснулся!". Человек повернулся. В ее голосе звучала какая-то неопишуемая радость. Кто бы это мог быть, если не Шанайа?

"Какая условная фраза". Твен был немного слаб, у него перехватило дыхание уже после одной фразы.

Однако Шанайа не могла перестать плакать, слезы непрерывно текли из ее глаз и оставляли два серебряных следа на ее красивых щеках.

"Почему... ты плачешь?"

Шанайа все еще плакала и не отвечала.

"Я в порядке".

На его слова Шанайа вытерла слезы и взяла Твена за руки, ее голос был полон печали. "Ты был без сознания ровно 24 часа. В какой-то момент врачи хотели сдать."

Данн позвонил мне, и я примчалась сюда так быстро, как только могла, я боялась..." Слезы снова потекли вниз. Шанайа не могла заставить себя продолжить фразу.

"Я... я в порядке..." Твену пришлось повторить то, что он только что сказал.

Шанайа продолжала говорить сквозь слезы: "Мы должны были быть в Токио на рекламной акции, но я не поеду. Неважно, что я не знаменита. Я молилась Богу, надеясь, что ты проснешься".

Твен выслушал ее жалобы на то, как она выкарабкалась за эти 24 часа, и почувствовал себя

немного виноватым. Он обнаружил, что глаза-фениксы Шанайи были больше обычного, и они были красными, явно опухшими от слез. Сколько она проплакала за эти 24 часа? Твен никогда не узнает.

Его сердце наполнилось теплым светом. Он с усилием поднял руку, пытаясь вытереть слезы на лице Шанайи. Вместо этого он обнаружил, что в его руки вставлены иглы, которые ограничивали его движения. Поэтому он мог только приподнять края рта, чтобы улыбнуться ей. "Не волнуйся, я злой. Бог не хотел бы меня видеть".

Шанайа ничего не ответила. Она лишь опустила голову и зарыдала, как будто хотела излить Твену все свои переживания и страхи. Это было неправильно, как он мог позволить, чтобы эта кипучая и милая маленькая фея была так опустошена? Твен решил сменить тему. Он перевел взгляд на чашку, которая все еще казалась горячей. "Это вода в чашке, Шания?"

Шанайа покачала головой: "Нет, это не вода. Это паста, которой ты кормил меня, когда у меня был жар в прошлый раз... Ты хочешь пить, дядя Тони? Давай я налью тебе воды". Сказав это, она попыталась встать.

Твен движением руки остановил ее. "Я голоден, Шанайа. Ты можешь меня покормить?"

Смутившись, Шанайа повернулась, чтобы схватить чашку, чуть не опрокинув ее. Твен лежал на кровати, воспринимая все это. Он был голоден. Пробыть без сознания 24 часа, это был целый день...

Шанайа осторожно поднесла чашку. Она зачерпнула ложку черной пасты, пахнущей кунжутом, и дунула на нее, прежде чем дать Твену.

Это была китайская паста из черного кунжута, которой Твен кормил ее, когда у нее был жар. Удивительно, что она это помнила.

Прикончив половину чашки, Твен подал знак, что больше не может есть. После еды он немного пришел в себя и продолжал лежать на кровати, спокойно наблюдая за покрасневшей от волнения Шанайей.

"Дядя Тони - злой, а все злые люди живут долго, так что я не умру. Перестань плакать - смотри, твои мешки под глазами будут видны. Как ты будешь рекламировать свой фильм, если у тебя будут видны мешки под глазами?". Он смеялся над ней. Рисовать длинное лицо в это время было совсем некстати.

"Я отложила свою работу. Я буду рядом с тобой все это время!" сурово сказала Шанайа. "Даже не думай о том, чтобы бросить меня и уйти!"

Твен ничего не ответил, а только продолжал наблюдать за Шанайей. Видя, как она красива, даже когда плачет, Твен вспомнил нелепый, разрушительный сон, который он видел раньше. Если бы он все еще оставался в рабочем классе, сидя и ожидая смерти, был бы у него шанс на прощание с супермоделью мирового класса? Если бы он по-прежнему был никем в рабочем классе, сказала бы ему Шанайа "Я люблю тебя"? Даже если бы это был сон, он предпочел бы жить в этой стране грез. Твен из того, другого мира, пусть просто умрет. Кому какое дело!

Его взгляд был прикован к Шанайе, и это заставило ее почувствовать себя немного неловко. Они оба были знакомы уже пять лет, но дядя Тони впервые смотрел на нее так прямо и открыто. Кроме того, главной причиной ее стеснения было то, что в его глазах было что-то такое, чего не было раньше.

"Шанайа, ты знаешь? Мне только что приснился очень интересный сон".

"Что? Какой сон?"

"Мне приснилось, что я собираюсь умереть. Потом я думала попасть в рай, но Бог прогнал меня, он сказал, что я родилась злой, поэтому должна умереть как демон и не попасть в такое место, как рай", - медленно, как ученый, объяснял Твен.

"В этот момент появился Сатана, он использовал свой завораживающий голос, чтобы соблазнить меня пообщаться с ним..."

Шанайа расширила глаза и уставилась на Твена, она не знала, говорит ли дядя Тони правду в этот момент. К тому же, до этого дядя Тони никогда не говорил глупостей в ее присутствии.

"Потом я задумалась об этом. Он был прав, я действительно создан быть злым. Поэтому я последовала за ним. Но я не думал, что этот ублюдок Сатана поднимет руку, чтобы преградить мне путь". Он указал на черную дверь впереди и сказал, - Твен пытался подражать голосу Сатаны, делая свой голос более хриплым. "Пойдешь ли ты в рай или в ад, это значит, что ты готов отдать все, что у тебя есть в живом мире. Если ты хочешь следовать за мной, тебе придется забыть все свои чувства, которые ты испытывал при жизни, прежде чем ты сможешь войти в эту дверь".

Сказав все это, Твен сделал паузу, чтобы перевести дух, и украдкой взглянул на Шанию. Даже когда Шанайа вытирала глаза, она оставалась красивой. В ее печали была какая-то красота, как у Линь Дайюй.

"Вообще-то, я не боюсь смерти. Я не думаю, что смерть - это большая проблема. Если у меня нет никаких связей с миром, то и умирать не страшно. Жизнь не так уж отличается от смерти. Честь, деньги, репутация... Я не могу взять их с собой в могилу, так чего же мне не хватает? Я собирался войти в эту дверь, но вдруг вспомнил кое-что, что заставило меня заколебаться. Шанайа, ты знаешь, что это было?"

Шанайа нахмурилась и покачала головой. "Я не знаю..."

Твен посмотрел на ее растерянное лицо, которое было бесспорно очаровательным. Он усмехнулся. "Я забыл, что все еще должен кому-то ответить".

"О..." Шанайа подняла глаза и была шокирована, увидев, что Твен сияет.

"Я, Тони Твен, никогда никому ничего не был должен. Я не хотел, чтобы этот человек преследовал меня до самых глубин ада за этот ответ, я не в состоянии нести такую ответственность... Поэтому я извинился перед Сатаной и сказал: "Мистер Сатана, мне ужасно жаль, но я не могу последовать за тобой и стать демоном. Почему?"

Потому что я обнаружила, что жить прекрасно, а у меня все еще есть много вещей, которые я не могу отпустить! Я не могу следовать за тобой". Сатана впал в уныние и упрекнул меня в излишней жадности, сказав, что хорошие вещи невозможно сохранить, поэтому чем раньше я о них забуду, тем лучше будет для меня. Я покачал головой, возражая. Я жадная. Мне нравятся эти хорошие вещи, я хочу, чтобы они всегда были рядом со мной, и я просто не могу отпустить человека..."

Сказав так много, Твейн сделала паузу, чтобы перевести дух.

Шанайа тоже ничего не ответила. Она села на стул и спокойно ждала, когда Твейн продолжит.

"Теперь уже слишком поздно просить прощения?"

Шанайа надулась, ее глаза блестели от слез, и судорожно замотала головой.

Твен протянул руку и нежно сжал мягкие ладони Шанайи. "Мне действительно жаль, я слишком упряма. Я чуть не свела в могилу свое упрямство и сожаления. Если бы не случилось что-то настолько серьезное, мое упрямство действительно могло бы быть неизлечимым до конца жизни. К счастью, я чуть не умер, что помогло мне многое понять...". Голос Твена казался слабым, он вспомнил, что потратил слишком много сил после того, как так много говорил.

"Ты можешь продолжать называть меня "дядя Тони"?" - спросил он.

Шанайа застенчиво кивнула. Твен жестом попросил ее лечь рядом с ним. Затем он старательно сдвинул голову, чтобы прошептать на ухо Шанайе. "Шанайа, я тоже тебя люблю".

Услышав это, глаза Шанайи расширились. Она была потрясена и счастлива одновременно, и не знала, что сказать в тот момент. Эта фраза, казалось, уничтожила всю энергию Твена. После этого признания он снова лег на кровать, смотрел в потолок и ворчал. "Я устал, я хочу спать".

Шанайа напряглась. Сделать такое признание в это время было не очень хорошим знаком. Она крепко сжала руку Твена и потянулась к аварийной кнопке на передней части кровати. К ее удивлению, Твен поднял руку, чтобы остановить ее.

"Не волнуйся, я просто собираюсь поспать". Он улыбнулся, чтобы успокоить Шанайю, которая выглядела запаниковавшей и потерянной.

"У меня еще много дней впереди, и еще много вещей, которые я не могу отпустить. Я только что обнаружила, что влюбилась в человека, как бы я хотела найти Сатану? Не волнуйся, я гарантирую... на этот раз я долго не усну...".

Он медленно закрыл глаза, а затем его дыхание выровнялось. На этот раз он действительно крепко спал. Возможно, ему снова что-то снилось, но, скорее всего, на этот раз это был прекрасный сон.

□□□

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071223>